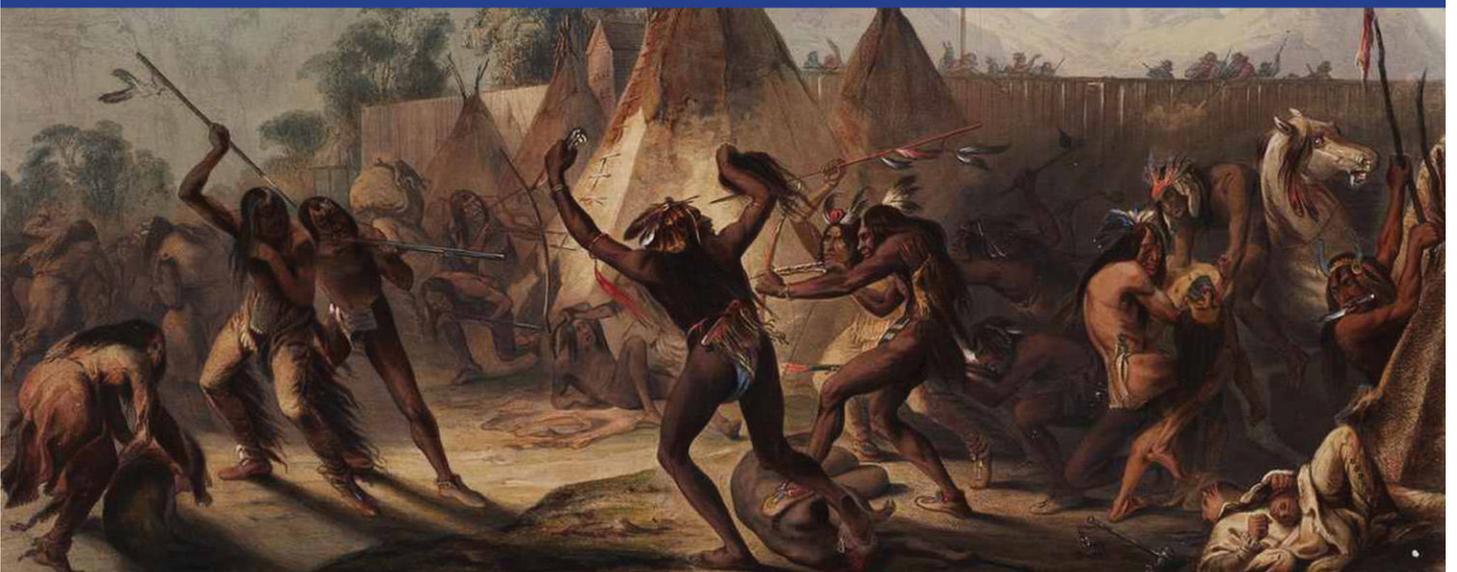

Джеймс Кервуд

Черный Охотник

Перевод с английского
Марка Волосова

ФТМ

Джеймс Кервуд
Чёрный Охотник

«ФТМ»

1926

Кервуд Д. О.

Чёрный Охотник / Д. О. Кервуд — «ФТМ», 1926

Остросюжетный роман американского писателя Джеймса Оливера Кервуда, жившего и творившего на стыке столетий, как и многие из его произведений, посвящен Северной Канаде – краю необычайно красивому, но чрезвычайно опасному. Кервуд был весьма успешным писателем – в двадцатых годах прошлого столетия он был самым высокооплачиваемым автором в мире. Его произведения удачно продолжают традиции формата, предложенного Джеком Лондоном. Герои романа «Черный Охотник» – люди смелые, сильные характером, способные выйти из любой ситуации с честью. В книге читатель встретит все присущие приключенческому жанру черты: лихо закрученный сюжет, интриги, захватывающие дух описания природы северных земель.

© Кервуд Д. О., 1926

© ФТМ, 1926

Содержание

Глава I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Джеймс Оливер Кервуд

Чёрный Охотник

Глава I

Ледяное «крещение»

Это происходило в поздний летний вечер приблизительно сто семьдесят лет тому назад. Теплая нега бабьего лета окутала сонную, почти необитаемую глушь. У ног молодых людей, глядевших на этот рай тишины и покоя, протекала таинственная река Ришелье, спеша соединиться с рекой Святого Лаврентия, отстоявшей на двадцать миль на север.

На юге, милях в шестидесяти от этого места, находилось озеро Шамплейн, а за ним ненавистные англичане и могауки – «красная чума» лесных братьев, – яростно оскалившие зубы на Новую Францию.

Все это, а пожалуй даже больше, было вырезано на пороховом роге тончайшими линиями, словно паутинки, и на это молодой колонист потратил несколько недель неустанного труда.

Он гордился своей работой. В выражении его глаз сквозило самолюбие художника, когда он впервые представил свое произведение на суд другого человека.

Юноша обещал вскоре превратиться в мужчину, и в этом немалую роль играла неумолимая дисциплина жизни в лесах, которым, казалось, не было конца. Ему шел двадцатый год. На первый взгляд он не казался ни крупным, ни крепко сложенным. У него была тонкая фигура, и казалось, что он всегда готов к какому-то быстрому движению. Голова его была покрыта густой шапкой светлых волос, серые глаза смотрели пристально и открыто, и ни один индеец не мог бы быстрее его и более тщательно охватить все детали горизонта.

Его звали Давид Рок, но, несмотря на свое английское имя, он душой и телом принадлежал Новой Франции, историю которой он вырезал на своем пороховом роге.

Про девушку, стоявшую рядом с ним, можно было сказать, что она еще более прекрасна, чем эта чудесная страна. Ее голова приходилась чуть-чуть выше плеча молодого человека. По ее спине до самого пояса спадали две толстые косы. На лице у нее горел румянец, глаза сверкали от: счастья и гордости, когда она принялась рассматривать пороховой рог, который подал ей ее возлюбленный.

Ее звали Анна Сен-Дени.

– Мне даже не верится, что это сделано человеческими руками! – воскликнула девушка. – О, я так горжусь тобой! Я была бы счастлива, если бы только могла показать это матушке Мэри и подругам по школе. Когда я вернусь в Квебек, я расскажу им, что мой Давид – художник.

– Я страшно рад, что тебе это нравится, – сказал юноша, и лицо его залилось краской.

– О, это даже красивее, чем ее картины, которые развешаны по стенам нашей монастырской школы. И подумать только – неужели это сделано ножом?

– Да, только ножом, – ответил Давид Рок. – На крепком буйволовом роге, купленном мной у одного индейца. А тот забрал его у врага, которого он убил в бою два года тому назад.

– Уф! – с дрожью в голосе отозвалась девушка.

– Но ведь это нисколько не портит рога, – не правда ли, Анна?

– Нет, нисколько, это верно. Но я ненавижу войну, ненавижу убийства... несмотря на то, что в нашей стране кровопролитие не прекращается ни на один день. И я предпочла бы, чтобы человеческая кровь не была замешана здесь.

– Ты лучше переверни этот рог, Анна, – сказал молодой человек прерывающимся голосом. – Там еще кое-что есть... чего ты еще не видела.

Девушка повернула рог и пристально взгляделась. Над рисунком, изображавшим густую чащу сосен на небольшом холмике, были выцарапаны две строки. Она ближе поднесла рог к глазам и прочла:

– «Я люблю тебя. Я до последнего издыхания готов биться за тебя. Д. Р. Сентябрь 1754».

– Это относится к тебе, Анна, – снова заговорил юноша. – И то, что я написал здесь, правда. Я готов вступить в бой со всем миром ради тебя.

Он говорил, глядя вдаль через голову девушки, и старался владеть собой и говорить твердым голосом, но невольно в его словах чувствовалось какое-то еле ощутимое подозрение, нечто вроде детского страха или слабости, которое он стал испытывать в последнее время.

Это не ускользнуло от внимания девушки. В течение нескольких секунд она продолжала стоять, прижимая к груди драгоценный рог. Потом она уронила его на мягкую зеленую траву и быстро повернулась к своему возлюбленному. Ее руки ласково прикоснулись к его лицу. Юноша крепко обнял ее и прижал к себе, а пальцы его ласкали густые шелковистые косы.

В течение некоторого времени Анна глядела на него, и в ее глазах светилась безграничная любовь, которую молодые люди питали друг к другу почти с самого детства. Она протянула ему губы и прошептала:

– Поцелуй меня, Давид.

Спустя некоторое время она осторожно высвободилась из его объятий.

– Тебе не придется ни с кем драться за меня, Давид. Ты это хорошо знаешь. Знаешь, что я тебе скажу...

Глаза девушки внезапно загорелись шаловливым огоньком.

– Представь себе, я даже осмелилась сказать матушке Мэри, что горю желанием скорее окончить школу, так как в противном случае я не могу выйти замуж за тебя!

– Как бы я хотел, чтобы уже больше не было этой школы! – воскликнул Давид Рок.

– Неужели ты это серьезно говоришь? – изумилась девушка.

– Совершенно серьезно. Для меня никакой другой школы не существует, кроме лесов. Тебе не нравится мысль, что мне приходится драться, а между тем мне ничего другого не остается делать. В лесах никогда не прекращается война. И никогда не прекратится. И мы, которые не знаем школ, должны неустанно наполнять порохов свой рог и драться с англичанами и ирокезами. А в это время в городе Квебеке, – в котором, говорят, теперь живет уже *восемь тысяч* человек! – мужчины живут праздно, как короли, молодежь растет джентльменами-белоручками, а из девушек выходят важные дамы...

– И важные дамы влюбляются, конечно, в джентльменов, – закончила за него Анна. – Почему ты прямо не скажешь то, что у тебя на уме, Давид?

– Я ничем не могу помочь себе в этом.

– Но зато мой «джентльмен» одет в лосиную кожу, которая мягка на ощупь, как бархат. И это одеяние – истинный панцирь храбрых рыцарей с реки Ришелье и всегда им останется! – воскликнула девушка.

– Но все-таки я боюсь, Анна, и мой страх растет в последнее время с каждым днем, – продолжал Давид Рок.

Наконец-то он собрался открыть то, что угнетало его вот уже столько месяцев!

– Ты боишься? Но чего, Давид?

Резким, порывистым жестом Давид Рок указал ей на ружье, которое он раньше прислонил к стволу упавшего дерева.

– Вот все, что у меня есть, – да еще моя мать. И больше ничего.

– Наша мать, ты хочешь сказать, – укоризненно заметила девушка. – Ты забываешь, Давид, что она наполовину моя.

Безудержная радость звучала в голосе юноши, когда он снова заговорил, но, по мере того как он продолжал, эта радость стала мало-помалу исчезать.

– Ты знаешь, что я хочу сказать, Анна. Твой отец – сильный барон и самый могущественный сеньор в окрестностях. А твой дом – большой замок, между тем как мы живем в бревенчатой хижине в глубине леса.

– Ну и что же? – прервала его Анна, капризно мотнув головой.

– И ты слишком прекрасна...

– Не более прекрасна, чем твоя работа на этом роге, – снова прервала его девушка.

– ...ты любишь богатые наряды и красивые шелка и кружева...

– Я люблю их видеть на красивых девушках.

– ...но это все подходит к батистовому белью и золотым оторочкам на костюмах мужчин! – горячо продолжал юноша. – Это больше подходит к обществу клинков и изящных треуголок, чем к этому ружью и пороховому рогу.

– Прямо изумительно, как ты правильно рассуждаешь, – согласилась Анна и опустила глаза, чтобы ее молодой возлюбленный не прочел затаенного смеха.

– А теперь, к тому же, из Квебека направляется сюда целая процессия молодых джентльменов и дам. И главный интендант короля тоже едет сюда, и вместе с ним, говорят, возвращается из Монреаля этот Водрей, который в будущем году, вероятно, будет губернатором Новой Франции, если только Биго, интендант, поставит на своем.

– И какая чудесная компания с ними, должна сказать! – в тон юноше заметила Анна. – Пять самых красивых девушек из Квебека, – подумай только, Давид. И я убеждена, что еще раньше, чем они все уедут, я успею приревновать тебя к каждой из них.

Давид Рок хранил молчание.

– Нанси Лобиньер с ее голубыми глазами и золотистыми волосами поклялась отобрать тебя у меня, – продолжала девушка насмешливым тоном. – И Луиза Шарметт, и Анжела Рошмонтъе, и Жозефина Лавальер, и Каролина де Буланже – все они горят желанием увидеть тебя.

– Скажи мне, Анна, все эти девушки, которых ты перечислила, тоже живут в сеньориях вдоль реки Святого Лаврентия? – спросил Давид Рок.

– Да, за исключением Луизы Шарметт. Она дочь торговца и, между прочим, ужасная кокетка. Я очень боюсь ее! – ответила Анна.

– Пьер Ганьон рассказывал мне, что этот интендант Биго самый порочный человек во всей Новой Франции, – заметил Давид Рок.

– Еще бы не знать Пьеру Ганьону! – ответила Анна. – Ведь ему все на свете известно. Но ты должен знать, Давид, что интендант Биго – самый могущественный человек в Новой Франции – после короля.

Анна подняла глаза и посмотрела на юношу, который вперил взор в их бездонную глубину, и слова, которые он намеревался произнести, замерли у него в горле.

– Давид, я не особенно внимательно прислушивалась к тому, что ты мне говорил... Я пыталась набраться храбрости и попросить тебя подарить мне этот пороховой рог. Пожалуйста, можно мне считать его своим? Я бы не променяла его ни на какие богатства в мире!

Давид Рок понял, что весь смысл его слов пропал даром, поскольку это касалось девушки.

– Анна... Ты действительно правду говоришь?

– Ну конечно!

– И не только для того, чтобы сделать меня счастливым? Скажи мне правду!

Густая краска начала медленно заливать лицо девушки, ее глаза стали темнеть, пока наконец их темная синева не превратилась в совершенно черный цвет.

– Давид! Этот рог и те слова, что ты вырезал на нем, значат для меня больше, чем все школы в мире и все важные джентльмены на свете... Если только правда то, что ты написал здесь.

– Если это неправда, то ты вправе забыть меня навсегда, Анна! – горячо воскликнул юноша.

– Можно мне взять его?

– Можно.

Девушка радостно расхохоталась, и ее звонкий смех вполне гармонировал с красотой, окружавшей их.

– В таком случае ты можешь оставить на другой раз все, что ты собирался сказать об этих глупых джентльменах, и школах и так далее. Я непременно должна знать скорее, что означает все, что вырезано на этом роге.

* * *

Теперь, когда тревога покинула сердце Давида Рока, он снова сияющим взором смотрел на ту чудесную страну, которую он запечатлел острием ножа на пороховом роге; он взял его из рук девушки, которая прижалась щекой к его рукаву, чтобы не упустить ни одного слова и не проглядеть какой-либо детали. Юноша расхохотался тем мягким смехом, за который Анна любила его еще тогда, когда они оба были детьми; он наклонился и прижался губами к шелковистым волосам девушки, а потом выпрямился и указал на синюю даль, теряющуюся за горизонтом.

– Вот там – англичане, которые день и ночь строят заговоры, чтобы уничтожить нас, и покупают наши скальпы у индейцев наравне со шкурками бобров. Если бы они могли, то с удовольствием предали бы каждого француза ирокезам, чтобы те сожгли нас на медленном огне.

В голосе юноши слышались теперь злоба и горечь; Анна Сен-Дени обеими руками обхватила его руку и прижалась к нему, она знала, что каждый раз, когда Давид говорит об англичанах и о их союзниках-индейцах, он представляет себе своего замученного и убитого отца.

– О, как я ненавижу их, – воскликнул он. – Всех этих англичан, которые заселили места, отмеченные здесь крестиками.

Девушка только кивнула головой в ответ, и трепет прошел по всему ее телу под действием страстной нотки в голосе возлюбленного. Она вполне понимала его, так как в глубине души она не меньше его любила Новую Францию.

– А вот здесь река, – продолжал Давид, проводя пальцем по линии, вырезанной на роге. – Это единственная линия, которая отделяет нас от наших врагов. Потому-то король и подарил таким воинственным сеньорам, как твой отец, земли вдоль реки Ришелье, чтобы они могли преградить путь неприятелю в случае его вторжения и задержать его продвижение в глубь страны.

– Здесь на озере (которое мы называем Сакраменто, а англичане – Озером Георга) расположена первая английская крепость – форт Эдвард – и форт Вильям-Генри. Вот почему я возле каждого из этих фортов вырезал лающего пса, ибо они тоже лают на нас и кусают, когда только представляется возможность.

– И ты думаешь, что они когда-нибудь доберутся до нас?.. И когда-нибудь их лающие псы сделают с нами то, что они хотят? – шепотом спросила девушка.

– Нет, если только ваши джентльмены из больших городов будут иметь достаточно мужества, чтобы драться, – ответил ей Давид Рок.

– Вовсе не *мои* джентльмены, – упрекнула его девушка. – Вовсе не *мои*.

– И от этих лающих псов, – продолжал юноша после недолгого молчания, в продолжение которого он, казалось, продумывал ее слова, – мы переходим к нашему собственному озеру Шамплейн. Вот здесь, где я вырезал французский флаг на верхушке разбитой сосны, находится

место, которое индейцы племени минго называют Тикондерога, и тут мы в скором времени начнем строить форт.

– Ты говоришь как человек, все помыслы которого сосредоточены на войне, – сказала Анна. – Почему это «мы будем строить форт», Давид? Зачем тебе вмешиваться во все это? Разве не построят его без тебя солдаты короля?

Тихим, размеренным голосом Давид ответил:

– Наступает время, Анна, когда каждая винтовка Новой Франции нужна будет для того, чтобы преградить путь этим варварам. И это время уже недалеко. Ты не думай, что я делаю лишь догадки. Я знаю, о чем говорю. И такие винтовки, как моя, лучше винтовок солдат, Анна.

– И наши враги могут прийти от этого места, где стоят лающие псы, к озеру Шамплейн, и от озера Шамплейн к реке Ришелье, и потом вниз по Ришелье к... нам?

– Да, и после нас они направятся к Монреалю и к Квебеку и к каждому дому в Новой Франции, – если мы, живущие на реке Ришелье, не сдержим их натиска.

– Ты говоришь с еще большей уверенностью, чем мой отец, – с сомнением в голосе заметила Анна. – Но мой отец говорит только о мире, он верит в мир и в мощь Франции. И точно так же говорят и думают те, которые живут в Квебеке, Давид.

– В лесах мы знаем то, чего не знают у вас в Квебеке, – возразил Давид Рок. – В то время, как ваши джентльмены в Квебеке танцуют, играют в карты и копят богатства, эти лающие псы становятся все озлобленнее, все голоднее. И это не мои слова, Анна. Это слова...

– Чьи?

– ...Черного Охотника.

Он медленно и тихо произнес последние слова, точно в них крылась такая тайна, которой даже ветерок не должен был слышать.

У девушки в первое мгновение занялось дыхание в груди, и вместе с тем слегка напряглись все мускулы ее тела, словно она вдруг почувствовала вражду к своему юному другу.

– Он снова был здесь?

– Да. Приблизительно за месяц до того, как ты вернулась из школы в Квебеке, он явился к нам однажды темной ночью. Я спал в это время, и мне снова грезился все тот же страшный сон. Мы провели с ним две недели в лесах, расположенных на юге; мы заходили с ним в самую глубь неприятельской земли, вплоть до свинцовых копей в долине Хуанита. Я сопровождал его даже до форта Вильям-Генри, и сам видел этих лающих псов, о которых говорю. Но так как я был вместе с Черным Охотником, то англичане не видели во мне опасности для себя. И я также видел много свежих красных скальпов, и много скальпов, которые индейцы высушили, натянув их на круглые обручи...

Анна медленно отодвинулась от него. Она слегка побледнела, и в ее глазах появилось то испуганное выражение, над которым Давид не раз смеялся.

– И твоя мать разрешила тебе уйти... без предостережения... не боясь за твою жизнь?..

– Ты забываешь, Анна, что она не боится Черного Охотника, как ты.

Он расхохотался и взял девушку за руку. В продолжение нескольких секунд Анна пристально смотрела на него – так пристально и так пытливо, что с губ Давида исчезла улыбка.

* * *

Они долго стояли и молча глядели друг другу в глаза. А потом, когда девушка, казалось, прочла в его глазах все, что ей нужно было знать и что он пытался скрыть от нее, она перевела взгляд на рог и сказала:

– Ты еще не кончил рассказывать мне про рог, Давид. Ты дошел до реки Ришелье и, не правда ли, эта река сливается с рекой Святого Лаврентия? В таком случае на этих скалах должен быть расположен Квебек, правда? А на том острове – Монреаль, а там на севере, навер-

ное, расположены земли Верхней Канады. Но я вижу здесь много такого, чего не понимаю. Вот здесь, например, нечто вроде алтаря, возле которого стоят две фигуры, словно ангелочки, а неподалеку сидит какое-то жалкое существо с удочкой в руке.

– В этом леске, – торжественным голосом ответил Давид Рок, – стоит большой дом; это замок Сен-Дени. Этот ангелочек – ты сама, а то жалкое существо, которое сидит с удочкой, – это я, Анна.

– Скажи, пожалуйста, Давид, что мне сейчас делать: плакать или смеяться? И почему у этого ангелочка такие изумительные волосы?

– Более красивых волос, чем у тебя, никогда не было на свете, Анна!

– Даже у твоей матери?

– Моя мать была прекрасна, Анна, и Черный Охотник предложил мне изобразить ее вот здесь, возле того, что ты называешь алтарем.

– Черный Охотник! – воскликнула девушка. – Он посоветовал тебе? И он знал, что ты для меня делаешь этот рог?

– Он помогал мне разработать план рисунка, когда мы вместе с ним бродили в лесах на юге.

Девушка в это время медленно перевернула рог и стала разглядывать остальную часть панорамы, вырезанной молодым художником.

– Вот это – Скрытый Город, – сказал юноша, становясь лицом к юго-западу. – Он находится далеко отсюда, и ни один белый не знает в точности – где, ни один, за исключением Черного Охотника. Город расположен в том месте, где индейцы племени сенека когда-то захватили белых пленных, еще задолго до того, как мы родились. Они не стали убивать этих пленных, намереваясь сделать их частью племени. Там большей частью женщины и дети, как говорит Черный Охотник, и, наверное, их несколько сотен. Когда-нибудь я отправлюсь взглянуть на них. В обществе Черного Охотника мне не будет грозить опасность.

Девушка снова подошла и крепко прижалась к нему.

– Я до конца дней своих буду хранить и любить этот рог, Давид. Посмотри на закат солнца! Какой багровый – краснее крови! – Она слегка вздрогнула. – Становится немного прохладно, а у меня даже теплого платка с собой нет. Пойдем домой, Давид.

Юноша повернулся и повел ее по крутой тропинке, которая в скором времени привела их к ровному плато, поросшему гигантскими дубами. Сперва юноша шел позади девушки, отставая лишь на один шаг, но только тропинка сделалась шире, он обогнал ее и пошел впереди, держа наготове длинную винтовку. Глаза его оглядывали каждый кустик, уши насторожились, и ни один звук не мог бы миновать его слуха.

Анна шла позади него и тоже смотрела по сторонам, прислушиваясь ко всем звукам. В глазах ее светилась ласка. Она любила смотреть на Давида, когда он вот так шел впереди. Его ноги в мокасинах производили меньше шума, чем падающая листва, а юношеское тело могло бы поспорить гибкостью с пантерой.

Однажды ее отец как-то рассердился на него и назвал его молодой пантерой, молодым зверем, который растет в лесу и станет со временем большим зверем, ни к чему не пригодным, кроме жизни в лесах! А она гордилась этим. Она невероятно гордилась своим Давидом! За последний год с ним произошла огромная перемена. Он уж не был теперь ни прежним мальчиком, ни товарищем по играм; он также не был только юношей, которого она любила с присущей ей преданностью. Теперь он минутами был для нее – и как раз вот в такие минуты, как сейчас, – мужчиной. Мужчиной, внушавшим ей более глубокое чувство, чем та любовь, которую она питала к нему с самого детства. Мужчиной, который немного пугал ее и который заставлял ее сердце биться сейчас совсем по-иному.

Прошлой ночью, когда старый сеньор Николай Сен-Дени после ужина курил свою большую трубку, а Анна вскарабкалась на угол стола, стоявшего в читальне отца, последний вдруг сказал:

– Ты уже стала женщиной, Анна. Тебе минуло семнадцать лет. Я не хочу потерять тебя, – ведь ты – все, что у меня осталось после смерти твоей матери. Но я хочу сказать тебе, что с полдюжины молодых джентльменов просили разрешения вести с тобой серьезное знакомство, и мое мнение, что пора уже тебе положить конец глупой, детской привязанности к Давиду. Если ты захочешь, то сможешь выйти замуж за любого представителя трех или четырех наиболее могущественных фамилий Новой Франции. И теперь, когда сюда направляются интендант Биго со своей свитой и твои друзья из Квебека...

Но на этом месте Анна прервала его, закрыв ему рот обеими руками, и решительно заявила:

– Я выйду замуж за Давида, старый, дорогой, одноногий папочка! Я выйду замуж только за Давида Рока!

И после этого она убежала и отправилась к себе в комнату, заливаясь счастливым смехом. Она еще долго слышала, как внизу в своей комнате ее отец расхаживал взад и вперед, постукивая деревянной ногой, но она не могла видеть радостной улыбки в его глазах и не могла слышать довольного смешка, который издавал старый вояка каждый раз, когда он подходил к окну, откуда виднелся лес, где стояла хижина Давида Рока и его матери.

Но Анна запомнила его слова, и теперь она не уставала мысленно повторять их, словно какую-то дикую песню: *Ты уже женщина!.. Ты женщина!.. Ты женщина!*

Ей исполнилось семнадцать лет, а в Квебеке было принято, чтобы молодые дамы семнадцати лет вступали в свет, выходили замуж и становились матерями.

Но что же будет с Давидом? Анна притронулась к его рукаву.

– Почему ты умолк, Давид? Почему ты так опасно озираешься? – шепнула она. – Неужели нам может грозить здесь какая-нибудь опасность?

– В этот час вылетают из своих гнезд куропатки и тетерева, – ответил Давид Рок тихим, глухим голосом.

– Неправда, Давид, – быстро возразила Анна. – Ты вовсе не думаешь сейчас о куропатках и тетеревах. Ты думаешь об индейцах, Давид. Вечно об индейцах! Неужели ты предполагаешь, что они осмелятся прийти сюда?

– Индейцы на все могут осмелиться, Анна. И когда я смотрю на тебя и на твои волосы, я чувствую, что мог бы убить любого, кто грубо прикоснулся бы к ним! Я вспоминаю о том, что я видел однажды в стране ирокезов. Я думаю о Скрытом Городе. Я думаю...

Он вдруг умолк.

– О чем, Давид?

– Мне бы не следовало тебе говорить.

– Но я хочу знать!

– Я думаю о целом мешке скальпов, которые индейцы племени могауков послали в подарок своим английским друзьям в форт Вильям-Генри. Там было в общей сложности восемь скальпов – все снятые с французских женщин. Длинные волосы были завиты в косы по манере индейцев, и вместе со скальпами индейцы прислали черные ножи и томагавки, чтобы показать, каким оружием были убиты эти женщины. И волосы на одном из скальпов до такой степени напомнили мне твои, что мне стало страшно... мне стало почти дурно.

Он схватил руки девушки и крепко прижал к своей груди. Через несколько секунд он снова продолжал:

– Я надеюсь, что к тому времени, когда ножи для скальпирования и томагавки снова появятся в этой долине (а Черный Охотник уверяет, что это должно скоро случиться), ты будешь уже находиться в Квебеке.

Казалось, что юноша с трудом выжимает из себя каждое слово.

– Что ты хочешь сказать этим, Давид?

– Возможно, что ничего. Мне не следовало бы об этом говорить с тобой. Я только заставляю тебя нервничать. Вот видишь, мы уже выходим из чащи леса, а там в долине еще виднеется солнце.

Анна отстала на один шаг и продолжала путь позади него. Ее губы приоткрылись, щеки залились румянцем, а грудь высоко вздымалась. Она любила слушать Давида, когда он говорил с ней так, как сейчас, в глубокой чаще и во мраке вековых дубов. В такие минуты он особенно нравился ей как мужчина, и тогда в ней с еще большей силой просыпалась женщина. Она испытывала в душе какое-то особенно радостное чувство и счастье. И Давид, в душе которого еще боролись мальчик и мужчина, думал про себя, что никогда он не видел ее такой прекрасной.

Она распустила волосы и предоставила им развеяться под легким летним ветерком; почти каждый раз, когда она находилась с Давидом, она распускала их. Но почему-то сегодня, когда Давид взглянул на нее, он почувствовал дрожь во всем теле. И, между прочим, в этот вечер Анна отдавала себе отчет в том, что она именно потому распустила волосы, что это нравилось Давиду.

Девушка имела обыкновение набирать полную охапку цветов, проходя по опушке леса; когда она опустилась на колени и, весело хохоча, начала подавать их Давиду, тот вдруг бросил цветы наземь, быстро и с силой привлек ее к себе, схватил в объятия и стал так жадно целовать, что у девушки занялось дыхание. Она чувствовала, что никогда еще ее возлюбленный не целовал ее так, как сейчас.

Испустив легкий крик, она стала бороться с ним и, упершись обеими руками в его грудь, пыталась вырваться из крепких объятий. Но даже в эти мгновения борьбы ее сердце радостно билось от счастья и восторга. Она инстинктом проснувшейся женщины различала в лице и глазах возлюбленного ту страсть, которая поборолла наконец юношескую робость. Тогда она перестала сопротивляться и, положив голову к нему на грудь, еще крепче прижалась всем телом.

Но в этот момент, который должен был запечатлеться на всю жизнь в душе молодого человека и девушки, раздался насмешливый хохот; Анна с быстротою молнии вырвалась из объятий Давида, а тот в мгновение ока повернулся лицом к месту, откуда доносился смех.

Шагах в двенадцати от молодых людей из-за рощицы диких сумах показались три человека, и смех принадлежал тому, который шел впереди других. Но как только Анна Сен-Дени повернулась, улыбка исчезла с лиц незнакомцев. Тот, кто находился впереди, почтительно снял шляпу и, низко кланяясь, стал рассыпаться в извинениях.

– Ради Бога, простите, мадемуазель, – начал он. – Мы не видели и не слышали вас и были уверены...

– Вы лжете! – прервал его Давид Рок, делая шаг к нему. – Вы великолепно видели и превосходно слышали, и вы смеялись потому, что не знали, что имеете дело с мадемуазель Сен-Дени. И что еще вы думали, разрешите узнать?

Анна потянула его за руку и умоляющим голосом стала просить:

– Ради Бога, довольно! Уйдем, Давид!

И раньше, чем молодой человек успел ответить или повернуться к ней, она по узкой тропинке нырнула в лес, и тогда Давид, не торопясь, поднял ружье, подобрал цветы и последовал за ней.

– Черт возьми! – с восхищением в голосе воскликнул один из мужчин, следовавших позади первого. – Скажите, Водрей, видели вы такую красотку в своей жизни? А вы, де Пин? И, между прочим, недурную историю вы затеяли, подкравшись потихоньку к такой сцене! А этот молодой дикарь – кто он такой? Черт меня возьми, если он ее не целовал! Как крепко он держал ее в своих объятиях! И я бы сказал, что ей это было вполне по душе, если я хоть что-нибудь понимаю в женщинах.

– А то, чего вы не понимаете в женщинах, могло бы наполнить две книги, Биго! – воскликнул де Пин. – А не заметили ли вы случайно, какие у нее волосы?

– Божественные! – воскликнул Биго. – Я бы заплатил губернаторским постом за право быть на месте этого дикаря.

– Разрешите поймать вас на слове, мсье, если вы действительно говорите серьезно, – сказал де Пин. – Вовсе нет надобности платить такой дорогой ценой – предоставьте только мне заняться этим делом.

Франсуа Биго, последний и самый могущественный из интендантов французского короля в Новой Франции, быстро сделал несколько шагов вперед и вышел на тропинку, по которой скрылись Анна Сен-Дени и ее молодой возлюбленный. В его глазах загорелся страстный огонь, а на хищном лице появилось выражение, которое можно видеть на лице охотника, выжидающего добычу.

Позади него стоял де Пин и глядел через плечо интенданта; он был щегольски одет, а лицом напоминал хитрую лису. Де Пин был правой рукой Биго и самым близким к нему человеком; весь Квебек знал, что этот человек продал свою жену, прекрасную Анжелику, интенданту в обмен на милости последнего, давшие ему возможность нажиться.

А за этими двумя стоял, потирая руки над изрядным брюшком, маркиз Водрей, губернатор королевских владений в Луизиане. Это был веселый, счастливый, бесконечно гордый собой и абсолютно бессовестный человек, настоящий маленький петушок, который, казалось, вот-вот лопнет от своей напыщенности. Как это нередко случалось и раньше, Водрей сейчас откровенно сказал то, что было у него на уме.

– Как это хорошо, что здесь нет мадам де Пин, – в противном случае двойное предательство ее мужа – хе-хе-хе! – несомненно унизило бы ее!

И Водрей еще быстрее стал потирать руки, когда заметил, что затылок де Пина стал багровым. Что касается Биго, то он метнул на маркиза взгляд, полный яда.

Но почти сейчас же злобное выражение на лице Биго сменилось веселой улыбкой, и он разразился тем искренним смехом, который иногда обманывал даже самых осторожных его врагов.

– Ваше счастье, Водрей, что вы слепы к женской красоте, – шутливым тоном заметил он. – Потому-то вы в такой степени любите самого себя, и потому я хочу притащить вас из Луизианы, чтобы в будущем году сделать вас губернатором всей Канады. У меня будет уверенность, что вы никогда не станете моим соперником, ха-ха-ха! Что же до этой девушки и этого дикаря, который был с ней, то я по-прежнему предлагаю губернаторский пост за первую и кое-что равноценное за голову второго.

– Должен ли я понимать, что вы командуете меня передать ваше предложение ее отцу? – спросил де Пин с лукавой усмешкой.

С лица Биго исчезла улыбка – его веселое настроение кончилось.

– Мы должны скорее вернуться и хорошенько посмеяться вместе со старым Сен-Дени над этим инцидентом, пока девушка сама не передала ему о случившемся по-своему, – заметил он трезвым тоном. – Вы большой дурак, де Пин, если могли подумать, что она дочь какого-нибудь окрестного «мужика».

– Разрешите вам напомнить, Франсуа, что вы знали довольно много дочерей «мужиков», которые были, однако, весьма прекрасны, – ответил де Пин, подмигивая и пожимая плечами. – Что же касается этого инцидента, свидетелем коего нам случилось быть, то я готов смотреть на это как на счастливый случай. Здесь кроется безграничный источник, если разрешите мне так выразиться, для романа.

Биго ничего не ответил, и все трое молча повернули к лесу Гронден и замку барона Сен-Дени.

Через несколько минут из леса показалась фигура человека, который, весело насвистывая, шел им навстречу.

– Опять этот осел, Пьер Ганьон, который повсюду сует свой нос! – заметил де Пин с брезгливой гримасой. – И вечно насвистывает одно и то же. Чем больше его оскорбляют, тем больше проникается он уверенностью, что его любят. Я никак не могу понять, почему все девушки Квебека с ума сходят по нему? Уж не потому ли, что они знают, что он не может им причинить какого-либо вреда.

Биго кивнул головой в знак того, что по достоинству оценил сарказм своего друга. Водрей, который шагал, с шумом втягивая в себя воздух, сделал вид, будто ничего не слышит. Но, несмотря на то, что внешне он ничем не выдавал своих мыслей, его мозг работал с лихорадочной быстротой и при этом с изумительной ясностью, и только в глазах маркиза загорелся алчный огонек.

* * *

Анна Сен-Дени дожидалась Давида Рока на опушке леса Гронден среди великолепных гигантских дубов.

Она уже успела снова заплести свои косы, и ее лицо горело отчасти от быстрого бега, отчасти под действием обуревавшего ее гнева, оскорбленной гордости и стыда. Но когда она заметила, что ее возлюбленный настолько же спокоен и холоден, насколько она взволнована, она протянула ему обе руки, взяла у него цветы и сделала попытку расхохотаться.

– О, я вела себя как трусиха! – воскликнула она. – Но, право, я не могла дожидаться тебя, Давид, стоя там с распущенными волосами.

– Кто они такие? – только спросил Давид Рок.

Анна повернулась, прижимая к себе охапку цветов, и стала прислушиваться к новым странным звукам, которые неслись с другого конца леса Гронден. До них смутно доносились громкие голоса, веселый смех и необычайный шум топоров; на лице юноши застыло еще более суровое и напряженное выражение.

– Очевидно, уже прибыл интендант со своей свитой, – заметила Анна как бы в ответ на его мысли. – Странно, никто не ожидал их раньше завтрашнего утра! Этот смуглый широкоплечий мужчина был мсье Биго, а тот, что извинялся передо мной – Гюго де Пин. Я их обоих видела в Квебеке. Но кто такой третий, я понятия не имею. О, как я их ненавижу!

Она еще раз взглянула на тропинку, по которой они бежали от взоров любопытных, а затем быстро подошла к Давиду и, протягивая ему для поцелуя губы, сказала:

– Я должна спешить! Мой бедный папочка, наверное, в панике от нагрянувших неожиданно гостей. И я ему очень нужна. Ведь надо распорядиться на кухне и накормить всю эту ораву. К тому же я должна поправить волосы и переодеться, чтобы быть в состоянии выйти навстречу этим людям. Спокойной ночи!

Давид Рок дважды поцеловал ее, а потом долго стоял и глядел ей вслед, пока она не махнула рукой в последний раз на прощание и не исчезла за лесом Гронден. На сердце у юноши застыла какая-то странная, непонятная тоска и не оставляла его ни на минуту.

Молодой человек сделал только несколько шагов по направлению к своему дому, но вдруг остановился под влиянием какой-то мысли и, снова повернувшись к замку Гронден, стал прислушиваться к смутно доносившимся оттуда звукам. А когда он опять пустился по тропинке через лес, его лицо горело от уязвленной гордости и унижения, и он всеми силами старался побороть грусть, охватившую все его существо.

Проходя мимо мельницы, принадлежавшей сеньории Сен-Дени, он подумал, что это строение фактически было первым предметом, запечатлевшимся в его уме, когда он был ребенком. Эта мельница, которую он запомнил еще раньше, чем стал узнавать свою мать, была

построена сеньором Гронденом в 1690 году, еще задолго до появления сеньора Сен-Дени, и дата ее постройки была высечена на каменной плите, висевшей над узкой дверью. Мельница имела форму круглой башни футов двадцати в диаметре и футов семидесяти в высоту и была сложена из плоских плитняков, так что фактически она обладала такой же крепостью, как если бы она была высечена из одного сплошного камня.

Старый сеньор Гронден сделал в ней достаточно бойниц на случай нападения индейцев, но однажды утром, когда он отправился в лес пострелять тетеревов, могауки великолепнейшим образом оскальпировали его, перерезали всю его семью и унесли его ружье вместе с охотничьей сумкой.

Эта старая мельница потому еще так дорога была Давиду Року, что здесь он впервые стал играть с Анной Сен-Дени. Но сейчас, когда он проходил мимо двери, которая вела внутрь, он заметил, что в огромной печи пылает огонь. Двое негров, кожа которых лоснилась и блестела при свете огня, кидали время от времени в топку смолистые поленья. В скором времени печь накалится настолько, что в нее можно будет сажать огромные двадцатифунтовые хлеба.

Давид вдруг подумал, что никогда еще до сих пор он не видел, чтобы в этой огромной печи ночью пекли хлеб. Но он сейчас же ответил себе, что в замке Гронден происходило сейчас много такого, чего он не видел раньше. Оттуда то и дело доносились смех, веселые песни и гулкие удары топора. Около дюжины костров ярко пылали в вечерних сумерках, и один из них был таких размеров, словно горела целая хижина. Вокруг огня двигались во все стороны люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.